

“Не отрекаются любя,

ведь жизнь кончается не завтра”

Неправда ваша. Еще как отрекаются. Бросают всю — и простых смертных, и небожителей. Бросают красивых, богатых, умных, добрых. Любящих и любимых.

Процедура эта болезненна для двух сторон. Главное — пережить. Как? Рецептов много.

Итак, вы расстались... И в сотый раз спрашиваете себя: **ПОЧЕМУ?** Не спрашивайте. Бесплезно. Причины у каждого свои. Мы же хотим рассказать, КАК это происходит. Потому что кем бы вы ни были, подобное с вами наверняка случилось. Вы уходили, от вас уходили. А иначе — зачем жить?

Я

Катя ПРЯНИК,
Вика САРЫКИНА.

Когда ей было 25 лет, молодой Вознесенский сделал ей предложение. Она решила, что это шутка.

Еще у нее был роман в другом государстве. Она влюбилась так, что через полгода организовала себе командировку и явилась пред изумленные очи своего избранника. “Я себя заважала, подумала — ну прямо Мата Хари”.

Потом она увидела одного человека по телевизору и сказала себе — сниму звезду с экрана. И сняла. Правда, разочаровалась быстро — он отнесся к этому не с той долей романтики.

Смеется, она рассказывает мне о своих романах. Женщина из тех, кто может сойти с ума от любви. Каждый раз, “возрождаясь Фениксом из пепла. Пеклу, пеплу, всем чертям на зло...” Изумительная. Неуловимая. Кроткая. С ней невозможно эту тему обсуждать — ее хочется цитировать.

— А вы быстро влюбляетесь?

— С первого взгляда. Правда, меня воспитали строго: “не давай поцелуя без любви.” А теперь мне сын меня обвиняет — ты испортила мою молодость, заставила меня жить замкнуто! Боролась за нравственную чистоту... На Западе не зря взрослые дети никогда не живут с родителями. Внучка Машка пожила у меня две недели, так я за это время ей пятнадцать мультиков купила. Детей, как и мужиков, я порчу.

— Когда читаешь ваши стихи, создается впечатление, что вы человек далекий от быта, драматический, постоянно страдающий от любви...

— Так многие считают. Мне однажды после публикации в “Новом мире” позвонила Агния Барто и сказала: “Деточка, хорошие стихи, но как же можно так раздвигать перед таким количеством людей?” На самом же деле я здоровый, в душе веселый человек. Всегда мечтала об одной настоящей любви на всю жизнь. Но так не получилось. Только сейчас я понимаю, что у меня были довольно-таки высокие требования. Я-то думала, что я покладистая, терпеливая. Когда вышла замуж, купила даже поваренную книгу, месяц стояла у плиты, научилась готовить. Но муж приходил с работы, ел и проносил вилку с котлетой мимо уха, и я подумала — видно, не в коня корм. И пошла учиться на высшие литературные курсы.

— Вам часто приходилось расставаться с близкими людьми?

— Ну, сказать “часто” значит признаться, что мне удалось пережить сто привязанностей в жизни. Это не так. Да, мне приходилось расставаться, этот опыт я приобрела. Но он послужил мне в жизни неплохой службой. (“Как быть, чтобы вместе навеки остаться? Расстаться...”.) Разлука иногда больше дает и больше сближает, чем иные союзы.

— Кто обычно был инициатором разрыва?

— Бросали меня, но уходила я. Много есть способов разрыва. Знаете, если все время сильно приставать: не уходи, не оставляй меня, скандалы устраивать, ревновать, выяснять отношения, — он побежит быстрее лани. В противоположную сторону. Но формально я уходила первой. По крайней мере двух своих мужей сама оставила.

— Когда вы впервые вышли замуж?

— В 29 лет. Мой первый муж был писатель. Совершенно незаискусственно забытый публицист и прозаик Георгий Радлов. Он был на 17 лет меня старше, и вот уже двадцать лет, как он умер. Замечательный, сильный, мужественный, умный — до бесконечности. Когда я с ним познакомилась, у меня было чувство, что это очень родной человек. Я многому у него научилась, и вообще мы были соратниками по духу. Он был человеком, заполняющим пространство, мне никогда не было с ним одиноко.

— Почему же вы расстались?

— Пил. А причины все те же — недооценка со стороны властей. Он был опальным человеком, ему многое пришлось вынести. В принципе, я к алкоголю отношусь спокойно. Но тогда, когда это не грозит здоровью, репутации. Я была молода, он зрелый, выдавший виды, во многом разочарованный. Алкоголь и семья — это все-таки очень тяжело. Как друга, как товарища, я его понимала, терпение у меня было невообразимое. Но через какое-то время стала ощущать диссонанс. Нет, это не произошло так, что я бросила гибнущего, больного человека. Он потом женился в третий раз.

— А из-за чего вы оставили второго мужа?

— Шлялся. Кстати, мне надо с ним развестись. Еще с 81-го года. У нас были нежные отношения, мы любили друг друга. И все-таки, когда он впервые не пришел домой ночевать — мне надо было закрыть перед ним двери тогда же. Может быть это спасло бы нас. Потом накалило-накалило, и в один прекрасный день я сказала: давай ключ от квартиры и уходи. Я не знала, что у него уже была женщина, которая очень хотела выйти за него замуж. Хотя она этого так и не получила — официально его женой являюсь я. А все те печали и несчастья, которые были бы у меня сейчас, — на ней. Это был тяжелый для меня поступок: прогнав его, полгода я была не в себе. Я ведь привыкла быть женой. Ночью я просыпалась, он подтыкал простынь и целовал меня в плечо. “Ты мне как доченька”, — говорил. А я была старше его на десять лет. Он потом долго не верил, не понимал, что случилось. Все хотел помириться. Позже мы стали друзьями, но не было дня, чтобы я не признавалась себе — как хорошо, что мы расстались.

— Вы умеете извратить себя от лишней боли при расставании?

— Нет, я смертельно переживаю. Когда любишь — это просто кошмар. У меня был любимый человек, которому я написала стихи: “Моя последняя любовь — заплаканная, нервная, моя последняя любовь — ты первая”. Я с самого начала горестно понимала, что это обречено. Хотела вырваться, сама уйти, но не вышло. Было ощущение, что ничего уже больше у меня не будет... И я не стала сопротивляться. Я обожала его, зная, что это ранит мое сердце, ломает мне жизнь, что это будет коротко. Знала заранее, и все равно ТАК переживала... Думаю, что более сильного потрясения, более сильных чувств у меня не было. Я шла с подружкой в метро, и у меня возникали грешные, нехорошие мысли — а не бросится ли под поезд и не свести ли

счета с жизнью. Я впервые не играла ни во что. Всерьез теряла. Это было лет семь назад. И с тех пор я перестала влюбляться. Это очень плохо, но тем не менее во мне что-то закрылось.

— А до этого у вас никогда не возникало ощущения, что “уже больше ничего не будет”?

— Конечно, возникало. Может быть, потому, что я просто родилась поэтом. Я говорю без всякого пафоса. В данном случае это не громко звучит, а печально. Поэтическая натура — предельно ис-

ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

РИММА КАЗАКОВА:

кренняя. Я, например, прекрасно знаю, что мужчины НЕЛЬЗЯ говорить, что любишь его. Я знаю всю науку. Но! Увы, я перестаю сама любить, когда я вру. Со временем я все-таки научилась правильно себя вести. Но правильно себя вести — это не значит добиться победы, это хотя бы сохранить достоинство. Сейчас я легче переношу поражения, потому что когда-то я вывела для себя формулу переживания неуспеха. Надо всегда говорить себе правду.

— Это относится и к поражениям в любви?

— У меня есть такие строчки: поражения — всегда лучшие победы. Любовь неразделенная или несостоявшаяся дает грустный, но незаменимый опыт. Я совершала раньше ошибки — пыталась присвоить то, что мне не принадлежит. Как говорила одна моя подруга: ты из тех, кто раскрывает розы, когда они еще сами не распустятся. Ну подожди ты — к утру распустятся бутоны, а ты его — руками пытаешься. И он погибает.

Была у меня одна страшная встреча. Ко мне пришла одна женщина, поэтесса — жена покойного Николая Рубцова. которая убила его. Николай Рубцов был удивительным и замечательным явлением нашей литературы. Но в жизни, говорят, он был человек неуживчивый, тяжелый. По пьянке гасил об жену сигареты. Я была секретарем Правления Союза писателей, когда ко мне пришла она — пышная белокурая русская красавица. Срок ее кончился, и она, плача, рассказала мне, как это произошло. И были такие слова: “Если бы я знала, что так получится, я бы лучше ушла от него”. Но она его любила и терпела все. Не хотела с ним расставаться. И в какой-то момент он переполнил чашу ее терпения. Она говорит: я его взяла за горло, нажала, что-то хрустнуло, и я в ужасе поняла, что совершила непоправимое. Сама позвонила в милицию, спасти его уже было нельзя, был сломан шейный позвонок. Я это рассказываю к тому, что, если тебе не дано, надо иметь мужество уйти, как это ни тяжело. Не выяснять отношения, не пытаться соединить несоединимое. Потому что в таких ситуациях и рождаются трагедии.

— А вдруг еще есть возможность спасти любовь? Неужели лучше от нее отказаться...

— Я иногда думаю, что, если б я однажды собрала своему первому мужу вещи и выставляла его, может быть, он очнулся и все бы наладилось. А я боялась его потерять. Обычно по утрам после какой-нибудь сцены я не дожидалась, пока он попросит прощения. Я сама приходила: “Ну, ты не будешь больше так? Ты исправился, ты изменишься?” — “Да-да, конечно”. Я ему: почему ты не даришь мне цветы? А он: ты цветы любишь? На тебе деньги, пойдй купи. В Доме литераторов историческая буфетчица Анна Ивановна спрашивала

меня: “Твоему наливать?” Я говорила: спросите у него. И пока этим занимался он, все было в порядке. Когда же я начала контролировать, рюмки считать, бутылки выхватывать — все кончилось.

— Наверное, вашей искренностью и открытостью часто пользовались?

— Я всегда считала, что лучше меня пусть обманут, чем я обману. Лучше я разочаруюсь в человеке потом, чем с самого начала относиться к нему с недоверием. Саша Бобров однажды подарил мне стихи, они дали мне еще один повод не считать себя такой уж несчастной оттого, что я вечно подставляюсь: “Казалось бы — ты так легко ранима, но выходит — все наоборот. Невзгоды мимо, злые сплетни мимо. И лишь измена точно в сердце бьет. Но пережив такие злые зимы, ты вновь идешь в заснеженность ветвей, неотразима и неувязима завидной уязвимостью своей”. Это про меня. Я не боюсь быть открытой. Не боюсь бросить свое сердце. Топчешь, я его подниму, вымою и вложу обратно. Я пришла к выводу, что от меня не убудет. Для меня это неопасно.

ОДИНОКАЯ ЖЕНЩИНА

ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

РИММА КАЗАКОВА:

“Как я тебе благодарна за муки, опыт любви — это опыт разлуки”

Если бы молодость знала, если б старость могла...
Римма Казакова
и Павел Антокольский

годы я была восторженно влюблена в мужчину, который стал сейчас блистательным кинорежиссером. Однажды я спросила его: у тебя нет денег? Он сказал: да. Я говорю: хочешь, я тебе одолжу рублей триста. Тогда это были большие деньги. Он мне: да, когда? — Завтра. И я — какой все-таки идиотизм, какая наивность! — подумала: вот я принесу эти деньги, и он поймет, какая я хорошая и как я к нему отношусь. Пригласит меня пообедать — тогда в Доме литераторов было очень дешево. Мы встретились, он схватил деньги — руку из сустава чуть не выдернул — и сказал “до свиданья”. Однажды мы увиделись на вечеринке, и, танцуя с ним, я говорю: знаешь, я была так влюблена два года назад. Думала о тебе не переставая. Он остановился даже: “Вот дура-то, купила бы бутылку, накрыла стол и позвала бы”. Может, я действительно дура, но в ту минуту солнце, которое сияло в его направлении, погасло. Что поделаешь, зато проходит время, и они все обо мне хорошо помнят. И даже, по-моему, кое-кто жалеет.

— А вы о ком-нибудь жалеете?

— Да что ж. Конечно, я сожалею. Если б моя последняя любовь, у которого было трое детей от двух жен и который был моложе меня на 16 лет, если б он все-таки остался со мной... Я понимаю, что это полное безумие с моей стороны, но я бы от этого не отказалась. О других я не жалею.

— Последняя любовь — почему такая обреченность?

— Мне так кажется. Любильное вещество — оно небезгранично. Потом я прекрасно отдаю себе отчет, что я, элегантно выражаясь, уже не совсем юна. Но у меня что-то в жизни было такое... Никогда не было ничего дешевого. Вот почему я не влюбляюсь, хотя, как ни странно, у меня есть так называемые кавалеры. Годами мне звонят. Есть такое вульгарное выражение — спать с мужиком для здоровья. (Она опять хохочет. — К.П.) Вообще, убила бы того, кто это придумал. Для здоровья надо молоко пить.

— Скажите, а опыт одиночества — к нему привыкаешь со временем? Или вы всегда умели оставаться одна...

— Катя, а что такое опыт одиночества? У меня никакого одиночества нет. Я люблю своих внуков, я люблю своего сына, своих друзей, я люблю свою замечательную родину.

А что касается любви: если б я встретила какого-нибудь “по себе” сексуального героя — я б не задумываясь с этим человеком пошла по жизни. Даже прогуляясь по скверу — и то здорово. Все было бы окрашено тем волшебным чувством пола, который единственно дает нам радость неуязвимой молодости. Дай-то бог, кто спорит. Пусть свалится с неба. “И может быть, на мой закат печальный, блеснет любовь улыбающей прощальной.” Но вместе с тем я легко отношусь к тому, что этого нет.

Суррогат мне не нужен. Однажды на совещании молодых писателей меня попросили сказать слово, и я сказала своим литературным деткам: “Детки, вот я заметила, что вы пили коньяк, очень дорогой. Когда же вы его выхлебали, то начали пить портвейн. И это ужасно”. Не может крепленое вино заменить хороший коньяк.

Жизнь последнее время пытается отнять у меня многое — умение, надежду, потребность любить и быть любимой. Но я ей этого не позволю. Впрочем, есть еще и нечто иное: “В море горя и любви, больше не в долгу, я сжигала корабли — и опять сожгу. Корабли твои, мои... А когда я жгла, было больше, чем в любви, света и тепла”.

Катя ПРЯНИК.